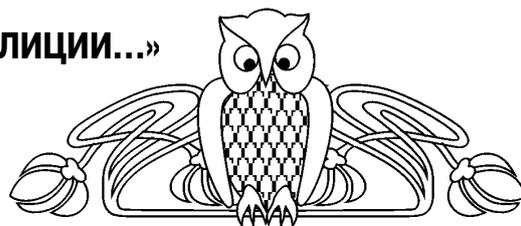

- 38 См.: *Заболотный Д.К.* Материалы к санитарной оценке городских полей орошения в Одессе // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 22–45.
- 39 *Заболотный Д.К.* К вопросу о бактериологии холеры (Из наблюдения над холерной эпидемией 1894 г. в Подольской губернии) // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 54.
- 40 См.: *Гамалея Н.Ф.* Холера и борьба с нею // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 139–219.
- 41 См.: *Гамалея Н.Ф.* Воспоминания. С. 205.
- 42 Там же. С. 209.
- 43 *Гамалея Н.Ф.* Холера // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 229.
- 44 См.: *Мечников И.И.* О мерах личного предохранения против холеры // Академ. собр. соч.: В 16 т. Т. 10. С. 79–84.
- 45 *Заболотный Д.К.* Очерк развития холерной эпидемии 1907–1908 гг. в России и противохолерные мероприятия // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 55, 64.
- 46 См.: *Заболотный Д.К.* Холерная эпидемия 1908–1909 гг. в Петербурге // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 67–116.
- 47 См.: *Клодницкий Н.Н.* К эпидемиологии холерных заболеваний в г. Самаре // Холерный листок: Издание Самарского губернского земства. 1907. № 3. С. 2–7.
- 48 *Клодницкая С.Н.* Н.Н. Клодницкий, 1868–1939. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1956. С. 130.
- 49 См.: *Таранухин В.А.* Очерк холерной эпидемии в г. Самаре в 1907 г. в связи с бактериологическими исследованиями питьевых вод и извержениями больных. СПб.: МВД, 1908.
- 50 См.: *Златогоров С.И.* Наблюдения над холерной эпидемией 1904-го года в Персии. Пути распространения холеры, течение, лечение и предохранительные прививки // Русский врач. 1904. № 48. С. 1622–1625; № 49. С. 1661–1665; *Он же.* О холере 1907 г. в Саратовской губернии // Врачебная газета. 1908. № 12. С. 363–366; № 13. С. 408–414; *Кулеша Г.С.* Случай азиатской холеры в Петербурге в эпидемию 1907 года // Там же. 1908. № 13. С. 405–405.
- 51 См.: *Eckart W.U.* The Colony as Laboratory: German Sleeping Sickness in German East Africa and in Togo, 1900–1914 // History and Philosophy of the Life Sciences. 2002. Vol. 24(1). P. 69–89.

УДК 94(47).084.1:354

«ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ...» (Полицейская провокация по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается проблема происхождения и эволюции полицейской провокации в политической системе России на рубеже XIX–XX вв. На основе анализа материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства¹, выводов и положений, содержащихся в докладе председателя ЧСК на первом Всероссийском съезде Советов, и др. источников в статье дается оценка роли и значения работы ЧСК по выявлению причин появления и характера взаимовлияния полицейской и революционной провокации в российском освободительном движении в начале XX столетия.

Ключевые слова: полицейская провокация, Чрезвычайная следственная комиссия, Департамент полиции.

«A Charter of Liberties of Department of Police ... » (Police provocation on materials of Extraordinary Committee of investigation of Temporary Government)

Yu. V. Varfolomeev

In article is considered the problem of an origin and evolution of police provocation in political system of Russia on boundary XIX–XX centuries. On the basis of the analysis of materials of Extraordinary Committee of investigation of Temporary Government (ECI), conclusions and the positions containing in the report of chairman ECI

at the first All-Russia congress of Advice is considered, etc. sources in clause the estimation of a role and value of work ECI on revealing the reasons of occurrence and character of interference of police and revolutionary provocation in the Russian emancipating movement in the beginning of the twentieth century is given.

Key words: police provocation, Extraordinary Committee of investigation, Department of police.

Подводя промежуточные итоги работы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, ее председатель Н.К. Муравьев выступил с докладом на Первом Всероссийском съезде Советов 26 июня 1917 г. Обобщая характер инкриминируемых царским сановникам правонарушений, он заявил, что «эти преступления очень несложны в своем юридическом выводе <...> это формула обычного злоупотребления властью, формула бездействия, и еще чаще наиболее типичная формула превышения этой власти»². Наряду с определением многочисленных прегрешений министерства юстиции, еще более впечатляющие разоблачения были выявлены Комиссией в результате расследования деятельности министерства внутренних дел. В первую очередь это касалось Департамента полиции, деятельность которого была эмоционально и лаконично выражена Муравьевым в нескольких словах: «Это сплошное преступление <...> там делается что-то ужасное»³.

Вместе с тем никто не мог себе до конца представить размах и степень этих правонарушений. Только после того, как в докладе прозвучали лишь некоторые из выявленных Комиссией нарушений, стала впервые очевидна масштабность и противозаконность различных сторон деятельности министерства внутренних дел. Приоткрывая завесу над тайнами секретных служб, докладчик предусмотрительно оговорился: «Вы знаете, по совести говоря, должно быть, не настолько развращено было воображение русского человека, чтобы он представил, себе то, что там творилось»⁴.

ЧСК не стала ограничивать рамки своего дознания только центральными подразделениями тайной полиции. В поле ее зрения попали документы периферийных (губернских) и заграничных отделений. В соответствии с генеральным постановлением ЧСК от 25 апреля 1917 г. Н.К. Муравьев направил запрос руководителю Комиссии по разбору архивов бывшей заграничной агентуры в Париже Е.И. Раппу с поручением «принять на себя труд по организации разбора архива Парижского охранного отделения, составления описи его дел, снятия копий с наиболее интересных документов и доставки их Комиссии, – указывал Муравьев. – В случае согласия, не откажите сообщить, на каких условиях Вы можете принять означенное предложение, какое количество сотрудников Вам необходимо и какого это потребует расхода со стороны Комиссии»⁵.

Этот запрос носил строго секретный характер, поэтому Муравьев позаботился о том, чтобы письмо Раппу было доставлено по дипломатическим каналам через Правовой департамент МИДа: «прошу передать письмо на имя Е.И. Раппа <...> порядком, установленным для пересылки дипломатической корреспонденции, ввиду того что по свойству даваемого Комиссией Е.И. Раппу поручения является весьма желательным, чтобы письмо это было доставлено Е.И. Раппу, не подвергаясь просмотру подлежащих цензурным учреждениям»⁶. В ответ 30 мая 1917 г. тем же путем – через директора Правового департамента МИД А.О. Доливо-Добровольского – председатель ЧСК получил секретную телеграмму, в которой Рапп извещал его о том, что «работы по разбору архива Парижского охранного отделения фактически ведутся уже две недели под моим руководством. Более подробные сведения и ответы на Ваши вопросы сообщу на днях»⁷. Кроме этого Рапп в интересах дела попросил Муравьева о том, чтобы ему были предоставлены полномочия представителя председателя ЧСК⁸.

Первым в цепи разоблачений деятельности МВД оказался документ, который Муравьев точно и образно назвал «хартией вольностей департамента полиции и который является положением ее беззакония»⁹. Речь шла о строго засекреченной «Инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармском и розыском отделениях» 1907 г. с последующими редакциями.

По словам председателя ЧСК, удалось выяснить, что целые поколения сотрудников полиции приложили руку к созданию этой инструкции¹⁰ и постепенно, год от года, старательно совершенствовали всю систему провокации. «Агентурный вопрос (шпионский – по терминологии других) для меня святее святых...»¹¹, – признавался в свое время С.В. Зубатов.

В течение нескольких лет теория (инструкция) и практика провокаторской деятельности стараниями целой плеяды деятелей секретных служб были доведены до совершенства. «Инструкция перевела заветы Зубатова на язык строгих правил, – отмечает И.С. Розенталь. – Она объявляла единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность о революционных и оппозиционных организациях, агентуру из числа ее членов...»¹² Таким образом, документ, попавший в поле зрения Комиссии, являлся последней и наиболее безукоризненной в своей отрасли редакцией полицейского противоправного творчества. Это был «продукт самой извращенной и преступной, на мой взгляд, фантазии»¹³, – заявил Муравьев.

В качестве примера изощренной жандармской техники слежения за революционным подпольем председатель ЧСК привел такую выдержку из инструкции: «единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыских органов в революционной работе, является внутренняя агентура. Все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центра революционных организаций и уничтожению в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности. Поэтому не следует ради обнаружения какой-нибудь типографии или мертво-лежащего на сохранении склада оружия срывать дело розыска»¹⁴. Это требование инструкции – разгром центров революционных организаций не сразу после их обнаружения, а «в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности» – вынуждало секретных сотрудников идти на провокацию. Муравьев также обратил внимание на то, что это положение инструкции находилось в безусловном противоречии с законом, который требовал от полиции не только предупреждения, но и пресечения преступления немедленно после его обнаружения.

Как выяснилось, дело доходило до того, что в Департаменте полиции сами печатали прокламации и листовки. Для этой цели была даже оборудована так называемая «пробковая комната» – в Департаменте полиции, чтобы работа типографских машин, печатавших прокламации, не была слышна»¹⁵. Председатель ЧСК обратил также внимание на парадоксальную и циничную ситуацию: «Хранение литературы, оружия, бомб, взрывчатого вещества и пр., а также предоставление квартиры для собраний, указание своего адреса для явки – все это возможно было только с разрешения жандармского управления, жандармского

начальства»¹⁶. В инструкции прямо говорилось о каждом конкретном случае, когда «нужно сделать какое-нибудь активное действие, заведующему розыском должно взвесить, прежде чем разрешить ему это сделать, в какой мере исполнение поручения будет служить успеху розыска»¹⁷.

Опасная и коварная игра царской охранки с революционным подпольем и террористами оказалась в конечном итоге не чем иным, как игрой с огнем, а это, рано или поздно, должно было привести к катастрофе. Поэтому неудивительно, что в какой-то момент спецслужбы не справились с «управлением» революционным пламенем, языки которого вырвались и забушевали по всей стране страшным пожаром.

Вместе с тем полицейская провокация, очевидно, не является чисто российским изобретением, а значит, и болезнью исключительно царских спецслужб. Тайная полиция во все времена и во многих странах, как правило, использовала, использует и, наверное, еще долго будет использовать секретную агентуру и разнообразные технологии провокаторской деятельности. Бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин отмечал, что без тайных осведомителей не может обойтись полиция ни в одной стране, оговорившись при этом, что «приближение секретных сотрудников к центрам организаций опасно в смысле возможности действий, носящих характер провокации»¹⁸.

Крайнее обострение внутривластной ситуации в России на рубеже XIX–XX вв., нарушение равновесия общественных сил, постоянное брожение рабочих и крестьянских масс, частая смена правительств создали благоприятную почву для вызревания системы полицейской провокации, острие которой было направлено на разраставшееся революционное движение. Говоря о провокации, следует иметь в виду и то, что «сплошь и рядом в прошлом столетии (XIX в. – Ю. В.) правители Франции, Германии, Италии прибегали к этому бесчестному средству, чтобы раздавить революционное движение или воспрепятствовать успехам грозных заговоров, – отмечали Ж. Лонге и Г. Зильбер, – <...> политическая полиция, даже в благоустроенном буржуазном государстве, вся насквозь проникнута духом провокации»¹⁹. Вторя им, советский историк А.Я. Аврех также списывал язвы провокаторства исключительно на буржуазное общество, утверждая, что «...какая бы там ни была форма правления, институт провокаторов в практике полицейских органов неизбежен»²⁰.

Между тем строго однозначной трактовки понятие «провокация» никогда не имело. В Российской империи в конце XIX – начале XX в. под провокацией в узком, полицейском смысле понимались подстрекательские действия, исходившие от конкретных сотрудников политической полиции (охранки), которые одновременно с этим входили в ряды оппозиционных движений. «Масштабы

применения полицейской провокации, – отмечает И.С. Розенталь, – находились в прямой зависимости от присутствия провокационных моментов в правительственной политике»²¹.

Анализируя систему функционирования тайных служб империи, Н.К. Муравьев изложил свой высоконравственный, но достаточно наивный взгляд на задачи и результаты работы агентурной сети: «Эти люди, которые там сидели, они должны были развивать свою преступную деятельность для того, чтобы, как снежный ком, оплести целый ряд людей добродушных, быть может, доверчивых, любящих родину, стремящихся к ее счастью, и в момент наибольшего напряжения этой деятельности должна была последовать ликвидация, но ликвидация с некоторым расчетом, с тем, чтобы провокатора оставить на свободе; но одного оставить опасно, нужно оставить еще несколько других лиц с ним вместе, чтобы не обнаружить его и чтобы был фермент брожения, то, что называется “на разводку”»²².

Наверное, ориентируясь на своих самых умеренных и либеральных подопечных, которых он некогда защищал, Муравьев прекрасноразумно полагал, что в рядах оппозиционеров находились исключительно добродушные, доверчивые, любящие родину и стремившиеся к ее процветанию, деятели. Между тем события последующих лет безжалостно разбили «розовые очки», сквозь которые Муравьев смотрел на борьбу различных сил с самодержавием. Ему пришлось жестоко разочароваться в большинстве «добродушных» революционеров, которые пришли к власти в октябре 1917 г. и очень скоро показали свою истинную любовь и к родине, и к соотечественникам. Но тогда, в тот короткий период демократии в России, и Муравьев, и его единомышленники искренне считали, что провокации против «добродушных» революционеров были преступлением.

Действительно, с моральной точки зрения «провокация является одной из самых темных сторон природы живых существ, – заостряет внимание на этом трюизме Ф.М. Лурье, – Провокация не просто темная, но зловещая сила. Еще страшнее, когда в провокации участвуют не просто частные лица, а крупные чиновники с их ведомствами и учреждениями, превращающими провокацию в инструмент своей деятельности, вводя ее в сферу политики»²³. Использование провокации правительственные структуры всегда тщательно скрывают от общества. В царской России для противодействия революционному движению правящие круги сделали ставку, главным образом, на репрессивно-карательный аппарат и полицейские методы секретного характера. «В этой политике, – отмечает Розенталь, – сочетались традиции поощрения доноительства, идущие из средневековья и эпохи петровских реформ (когда царским распоряжением была даже упразднена тайна исповеди), и продуманная, ориентированная на европейские образцы методика разложения

враждебных власти сил». И далее заключает: «Первостепенное место в ней заняла провокация»²⁴.

Но при всей справедливости данного вывода следует иметь в виду и то, что «...правительство боролось теми же путями, какими шла революция»²⁵, – справедливо подметил С.П. Белецкий. В конечном итоге получался некий замкнутый круг: одно незаконное порождало другое и, в свою очередь, вынуждало противоборствующие стороны к применению недозволенных, аморальных, а сточки зрения закона – преступных, методов борьбы. Таким образом, получалось, что «провокация сражалась по обе стороны баррикады»²⁶, – констатирует Лурье.

Принимая во внимание правовые и моральные аспекты, а также специфику деятельности охранных служб, становится понятным, почему Комиссия очень большое значение придавала расследованию вопроса о провокациях, тем более что в дореволюционной России «сыскное дело было отождествлено с государственным»²⁷, – точно подметил секретарь Комиссии А.А. Блок, а дознания в порядке охраны производились без какого-либо участия прокурорского надзора. Следовательно, можно утверждать, что практически вся деятельность тайной полиции при самодержавии находилась вне поля зрения прокурорского надзора, и «о наличности провокации могли судить лишь, так сказать, “по косвенным уликам”, – вспоминал прокурор Судебной палаты С.В. Звадский, – и, во всяком случае, о ее организации сведений никаких не имели: перед лицом судебного ведомства жандармы предпочитали закулисные свои действия тщательно зашифровывать»²⁸.

Поэтому, когда ЧСК «докопалась» до секретных документов МВД, то теоретические предположения относительно того, занимались или не занимались в этом ведомстве провокаторской деятельностью, стали для членов Комиссии не только очевидными, но и бесспорными криминальными событиями будущих обвинительных актов. К тому же ЧСК стала, таким образом, «первооткрывателем» на пути расследования неблагоприятных тайн секретных служб царской России. Эти тайны Комиссии поведали их непосредственные хранители – руководители Департамента полиции, за спиной каждого из которых, по словам П.Е. Щеголева, был «тяжкий груз интенсивной работы по политическому розыску», и каждый из которых, по его образному выражению, «вкусил от древа провокации»²⁹, причем «вкусали» они, как видно, не за страх, а за совесть.

Как стало известно членам Комиссии из документов Департамента полиции, наиболее подходящими для привлечения к работе в агентуре считались следующие категории революционеров: арестованные по политическим делам, слабохарактерные, разочарованные или обиженные партией, а также нуждающиеся материально,

бежавшие из места ссылки, ранее подвергавшиеся преследованиям и т.д.³⁰

Вместе с тем вербовка революционеров царской охранкой была вынужденной и рискованной мерой. На ненадежность и аморальность таких сотрудников справедливо указал А.И. Спиридович: «Слишком развращающее действовала подпольная революционная среда на своих членов своею беспринципностью, бездельем, болтовней и узкопартийностью, чтобы из нее мог выйти порядочный чиновник, – считал жандармский дока. – Он являлся или скверным работником, или предателем интересов государства во имя партийности и революции. Были, конечно, исключения, но они являлись именно исключениями»³¹. Кроме того, пополнение агентурной сети тайной полиции за счет революционного подполья таило в себе серьезную опасность. «Расширение внутренней агентуры способствовало появлению “двойных” агентов, – отмечает Д.В. Рязанов, – работавших одновременно на полицию и революционные организации (Е.Ф. Азеф и др.), распространению провокации и дискредитации методов политической полиции»³².

При этом, говоря о процедуре «оформления» новоиспеченного агента, Муравьев, считал ее также преступной: «в случае успеха склонения в сотрудники, необходимо принять, по соглашению с прокурорским надзором, меры к изъятию из дознания таких протоколов допроса, которые могут провалить заагентур[ен]ного обвиняемого»³³. Так, в ходе допросов руководителей полицейских учреждений выяснилось, что, когда наступал момент вербовки будущего провокатора, то прокуроры, работавшие по политическим делам, покидали комнату, в которой оставался жандармский офицер, с тем, чтобы вернуться в нее уже после того, когда это дело будет закончено.

Муравьев подчеркнул, что в данном случае «ведомство юстиции работает вкуче и влюбсе с ведомством внутренних дел», и подобные действия судебного ведомства должны «...быть ему вечным укором»³⁴, – подытожил он. Но наряду с «вечным укором» и инструкция, и действия ответственных сотрудников двух правоохранительных ведомств однозначно оказывались за гранью закона. «Преступность вербовки агентов таким способом состояла в том, что власть сотрудничала, укрывала и оплачивала людей, которые с точки зрения закона были преступниками, состоя членами “преступных сообществ”, ставивших своей целью “ниспровержение существующего строя”»³⁵, – справедливо отмечал Аврех.

Почти все внимание комиссии сосредоточилось на нескольких криминальных сюжетах, связанных с провокаторской деятельностью. Среди них основное место занимали два дела – Е.Н. Шорниковой и Р.В. Малиновского. Центральным стержнем расследования стала криминальная триада: «инструкция – Шорникова – Малиновский», на которую в дальнейшем в

ходе допросов нанизывались остальные факты и оценки, связанные с вербовкой и использованием провокаторов, и, таким образом, выстраивалась вся обвинительная конструкция по разоблачению системы полицейской провокации в России.

В качестве примера крупной и удачной акции Департамента полиции с участием агента-провокатора Муравьев привел дело социал-демократа, депутата IV Государственной думы, Р.В. Малиновского, который, будучи завербован охранкой, был избран в IV Думу от рабочих Москвы при помощи полиции. Буквально несколькими штрихами председатель ЧСК обрисовал основные этапы работы политической полиции в этой акции: «они его где-то наметили, они проводили [его] снизу вверх, они делали [его] членом Думы совершенно сознательно, они устраняли на его пути все препятствия. Они устраивали ему поездки по России, отпускали за границу, и <...> сколько, с точки зрения тогда существовавшего закона, больших и малых преступлений он создал вокруг себя во время своих поездок и какое бесчисленное количество людей погубил, отправил в тюрьму, в ссылку и т.д.»³⁶.

По ходу расследования этого дела «всплывали» одиозные фигуры других провокаторов. Эти перекрещивающиеся криминальные линии также приходилось отрабатывать. В связи с тем, что революционеры большую часть своей жизни провели за границей, приходилось задействовать в процессе расследования Комиссию по разбору архивов заграничной агентуры Департамента полиции в Париже. Одним из свидетельств такого сотрудничества является телеграмма ее руководителя Е.И. Раппа от 29 июля 1917 г. председателю ЧСК, в которой он просил уточнить, – «найжены ли какие-либо данные о принадлежности к секретным сотрудникам Аарона Таратуты³⁷, партийная кличка “Виктор”, бывшего члена большевистского центрального комитета»³⁸.

По делу Малиновского Комиссией было допрошено более 30 человек. Наряду с подследственными ЧСК свои показания дали представители общественности и двух социал-демократических фракций. Это дело приняло такой эксклюзивный характер и актуальность среди сотрудников Комиссии, что даже Муравьев, предваряя один из двух допросов Бурцева, позволил себе на мгновение отойти от принятой им солидной манеры и, шутя, сказал: «Теперь перейдем к очень для нас интересной теме о Малиновском. Это модерн»³⁹.

Впрочем, на других допросах ни ему, ни другим членам президиума ЧСК было не до шуток. Так, на одном из допросов С.Е. Виссарионова, когда речь зашла о деле Малиновского и председатель в очередной раз высказал по поводу провокационной деятельности укор в адрес жандармского генерала, тот, по словам Блока, изъявил желание «принести раскаяние в лице комиссии перед всем русским народом»⁴⁰. «Это ошибка была с моей стороны <...>, – признался Виссарионов. – Я

слишком был дисциплинирован, верил директору»⁴¹. Трудно судить о том, насколько искренним было его раскаяние, тем более что В.Ф. Джунковский отзывался о своем подчиненном как о человеке, который «не имел никаких принципов, ничем не брезгал, был большой подхалим, а с подчиненными надменен»⁴².

Следствие по делу Малиновского⁴³ вели опытные отечественные криминалисты: следователь по особо важным делам П.А. Александров⁴⁴ и товарищ прокурора Петроградского окружного суда Н.А. Колоколов⁴⁵. 26 мая 1917 г. Александров допросил в качестве свидетеля по этому делу В.И. Ульянова (Ленина). «Когда он допрашивал Ленина, у нас в комиссии – переполох, – вспоминал его коллега С.А. Коренев. – Все стремятся посмотреть на продавца России и хоть вслед ему плюнуть: на большее порохоу ни у кого не хватает, да и Ленин-то пока еще многим из нас кажется всего лишь клоуном от революции – Пуришкевичем навыворот»⁴⁶. Кроме вождя партии были также допрошены его соратники – Г.Е. Зиновьев, Н.К. Крупская, В.П. Ногин, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, А.В. Шотман, Е.Ф. Розмирович, Я.М. Свердлов, А.Е. Бадаев и М.К. Муранов.

Сравнивая поведение на допросах важных свидетелей – партийных вождей, Коренев отметил, что «...Ленин и Зиновьев ведут себя совершенно различно»⁴⁷. Это выразилось в том, что последний, болезненно реагирующий на обращение к нему следователя: «Апфельбаум», превратил свое посещение Комиссии в «некоторую демонстрацию наглости» и усиленно изображал из себя «вторую скрипку в своей партии». Допрос этого «коммивояжера по галантерейной части», как отзывался о нем Коренев, мало чего дал для следствия, поэтому весь интерес Александрова сосредоточился на другой персоне – товарище Ленине. Здесь картина оказалась совсем другая. «Ленин на допросе оказывается не только приличным, но и крайне скромным», – отмечал следователь, и пояснял возможную причину такой «скромности»: «Положим, по сравнению с Зиновьевым, его роль на следствии очень невыгодная. Ленин здесь, если не обвиняемый, то наиболее ответственное лицо, – глава партии, который лично наметил ответственного представителя от своей группы в законодательное собрание <...>, а там получился этакий скандал»⁴⁸, – констатировал полковник Коренев.

Судя по тексту показаний Ленина, в качестве главного аргумента в свое оправдание он приводил безграничную степень доверия к Малиновскому, ссылаясь на высокую популярность и выдающиеся способности провокатора и на то, что за ним практически не осуществлялось никакого контроля со стороны партийного руководства. «Русских членов ЦК было немного; ведь я и Зиновьев жили за границей, – сетовал вождь большевиков. – Из здешних Сталин (Джугашвили) большею частью был в тюрьме или в ссылке. Малиновский здесь,

конечно, выделялся)⁴⁹ и проявлял, по мнению Ленина, собственную инициативу по налаживанию связей с финляндской социал-демократией, устройству типографии и пр.

По итогам допроса у членов Комиссии сложилось впечатление, что «Ленин душой не кривит, когда отрицает всякое свое знакомство с русской охранкой»⁵⁰. Впрочем, на фоне распространившейся информации о сотрудничестве «вождя мирового пролетариата» со спецслужбами вражеского государства выяснение этого вопроса отчасти теряло свою важность и остроту. «Странным кажется только одно, – размышлял Коренев, – почему Ленин, по-видимому, так волнуется и хочет отбросить всякие намеки, заподозривающие его в политической бесчестности и продажности в то время, когда история с запломбированным вагоном и германскими деньгами, заплаченными за грядущий Брест-Литовский мир, становится секретом полишинеля. Не все ли равно, от кого были получены им тридцать серебряников?»⁵¹, – риторически вопрошал следователь.

Еще одним сложным криминальным клубком, который пришлось распутывать ЧСК, было дело Е.Н. Шорниковой, также напрямую связанное с провокаторством. О том, насколько тяжело было расследовать это дело, эмоционально поведал А.А. Блок: «Ах, как мне надоело это дело Шорниковой – еще с маклаковского допроса. Большое дело, много о нем говорят. Разгони сон, разгони!»⁵². По этому делу одним за другим и по несколько раз были допрошены все фигуранты ЧСК, имевшие к нему отношение. В основном это были руководители департамента полиции, но они не очень-то хотели откровенничать по этому поводу. Характерный эпизод «забывчивости» С.Е. Виссарионова воспроизвел Блок: «Дела Шорниковой он (Виссарионов. – Ю. В.) не знает. Не знает ли? Муравьев сомневается в этом. И напоминает. Испуганно Виссарионов говорит, что не помнит; испуганно как-то. Он отрицает свое участие и утверждает, что всегда *протестовал*»⁵³.

В конце концов Виссарионову приходится все-таки признать: «Виноват, этих обстоятельств, что она (Шорникова. – Ю. В.) была скрыта, что снабжена паспортом я совершенно не знаю»⁵⁴. Даже если он и не кривил душой, отрицая свою причастность к агенту Шорниковой, это все равно не делает ему чести, как руководителю, который должен был быть в курсе подобных дел. Поэтому Виссарионов, как бы оправдываясь, далее заявил: «Когда я узнавал об этом, я всегда протестовал против этого и указывал, что это совершенно недопустимая вещь»⁵⁵. Материалы допросов по этому делу составили внушительный фолиант: «Они (члены Комиссии. – Ю. В.) все время рассматривают это толстенное дело (Шорниковой), – отмечал Блок. – <...> Большие паузы, председатель читает дело»⁵⁶. Как выяснилось, Шорникова была агентом-провокатором петербургской охраны и сыграла главную роль в аресте и предании суду

социал-демократической фракции II Государственной думы. Зная, что она разыскивается судебным следователем (не осведомленным о ее провокаторской роли), Департамент полиции продолжал еще некоторое время пользоваться ее услугами, а потом скрывал ее.

Полученные в ходе следствия сведения позволили Муравьеву сделать вывод о том, что полицейская провокация представляла собой сложную и разветвленную систему, благодаря которой в обход закона и втайне от правительства «устраивались искусственные побеги (как, напр., Петрова) лиц, бежавших с каторги и затем попавшихся, <...>, как это было по делу Шорниковой, когда одной рукой писался циркуляр о том, чтобы искать Шорникову, а другой рукой устраивали Шорникову на место сестры милосердия в общину Красного Креста или сиделицею в винной лавке, причем вносили за нее залог, переводили ее в качестве сотрудника из одного охранного отделения в другое»⁵⁷.

Можно утверждать, что существование системы провокации внутри российских спецслужб не вызывало сомнений у сотрудников ЧСК. В то же время допрашиваемые долго и упорно отрицались от признания подобных методов работы преступными. То, что практиковалось в их ведомстве, они предпочитали или не связывать с понятием «провокация», или считали эти действия вынужденными. Так, например, А.В. Герасимов признавал, что с точки зрения закона участие агенты в революционном движении было преступным, «но это была необходимость – необходимость, требуемая Министерством внутренних дел»⁵⁸. В конечном итоге и С.П. Белецкий, и С.Е. Виссарионов и др. все-таки признали справедливость обвинений в том, что в их ведомстве провокация допускалась и поощрялась⁵⁹. А поначалу тот же самый Белецкий не уставал повторять: «Когда я был директором департамента полиции, с провокацией все мы боролись до крайности»⁶⁰.

Руководители полицейских учреждений вначале пытались уверять, что использовали только осведомителей, оставаясь принципиальными противниками провокации. «Они не были при этом оригинальны, – обратил внимание на уязвимость таких объяснений И.С. Розенталь, – такую позицию официально защищал П.А. Столыпин, когда 11 февраля 1909 г. в III Государственной думе обсуждался запрос об Е. Азефе: в качестве министра внутренних дел Столыпин взял его под защиту, отрицая факт провокаторства. Впоследствии подобным же образом изобразил свою и Азефа деятельность его руководитель А.В. Герасимов, заявивший, что “никогда не был обманут” Азефом, “а о провокации даже говорить не приходится”»⁶¹.

Эту позицию упорно отстаивали и остальные руководители министерства внутренних дел. Так, например, на вопрос председателя, обращенный к В.Ф. Джунковскому, не считал ли он преступлением сам факт участия агентов «в революционном сообществе», последний ответил отрицательно:

«Я считал это не провокацией, а шпионажем»⁶². Провокацией он считал только те случаи, когда агенты сами участвовали в совершении преступлений. В связи с этим Розенталь справедливо заметил, что для идентификации провокации «необходимо конкретно рассматривать поведение каждого агента, чтобы убедиться, был ли он провокатором или же всего лишь “наблюдал и передавал информацию”»⁶³.

Необычную точку зрения на то, что считать провокацией, высказал Виссарионов. Его оригинальную трактовку провокации тонко уловил и воспроизвел Блок: «*Не подстрекать, а наблюдать* – вот что они думали! Созерцание законно, а действие противозаконно. Система. Раз поддерживается этой системой строй, то нельзя входить в такую детальную критику этой системы»⁶⁴. Провергнуть казуистические доводы опытных полицейских генералов юридически было очень трудно. Обратив на это внимание, А.Я. Аврех даже обосновал мысль о юридической неуязвимости позиций сотрудников министерства внутренних дел⁶⁵.

Характерную терминологическую путаницу, заключенную в проблеме провокации, исследовала и американский историк А. Гейфман, резонно отметив, что необоснованно называть всякого полицейского агента провокатором⁶⁶. Действительно, между действиями агента и провокатора всегда существовала тонкая, невидимая грань. Даже пресловутая полицейская инструкция рекомендовала не переходить «весьма тонкую черту», отделяющую «сотрудничество» как осведомительную деятельность от провокаторства⁶⁷. Правда, инструкция не объясняла, каким образом это можно было бы соблюсти.

Задумываясь над этой коллизией и абстрагируясь от юридического смысла термина «провокация», Розенталь аргументированно поставил ряд вопросов по поводу этой «терминологической путаницы»: «...возможно ли было в изучаемую эпоху, с учетом реальной эволюции режима, остаться только осведомителем, действуя в границах, предписанных Департаментом полиции? Случайно или намеренно эти границы были и оставались нечеткими? Иными словами, случайно ли возникла “терминологическая путаница”?»⁶⁸.

Отвечая на эти вопросы, следует отметить, что в материалах Комиссии, в частности в показаниях руководителей полицейского ведомства, содержатся свидетельства, подтверждающие то, что рамки провокации были намеренно размыты для того, чтобы любой агент имел возможность своеобразного маневра в той или иной ситуации. Кроме того, в охране понимали и допускали, что оставаться только осведомителем агенту не всегда удастся, и в таких случаях его скатывание к провокации становилось неизбежным. Бывший начальник особого отдела Департамента полиции И.П. Васильев признавал, что руководители ведомства проявляли к фактам провокации

«снисходительное отношение» или «молчаливое попустительство»⁶⁹.

В том, что ЧСК приступила к скрупулезному и беспристрастному расследованию системы провокации в России, в частности дела Малиновского, Аврех увидел «несостоятельность самого расчета» и обреченность этого направления ее деятельности. Вина ЧСК, по его мнению, была уже в том, что следователи стали «раскручивать» запретную криминальную тему, связанную с провокаторами-большевиками. Если следовать логике его рассуждений, то получается, что «контрреволюционный характер» работы Комиссии заключался уже в том, что при расследовании дела Малиновского следствие очень близко подошло к вождю большевиков и его супруге.

Во-первых, самому Владимиру Ильичу пришлось давать Комиссии свидетельские показания. А во-вторых, в поле зрения следствия попала и отложились в материалах дела переписка Н.К. Крупской с провокатором⁷⁰. О ее контактах с Р.В. Малиновским откровенно поведал и сам Ленин: «За организационными связями и делами Малиновского больше следила моя жена, бывшая секретарем ЦК в течение долгого ряда лет»⁷¹. Правда, подробно комментировать содержание этих соработнических взаимоотношений он не стал.

Еще в 20-е гг. XX в. было высказано мнение о том, что в работе ЧСК «юриспруденция <...> непосредственно подчинялась политике», а допросы по делу провокатора велись так, чтобы «зацепившись за Малиновского потянуть нити от Департамента полиции ко всей партии большевиков»⁷². Паническая боязнь большевиков и их идеологических наследников запятнать свою «честь» связями с охранкой, конечно, объяснима. Но в данном случае, думается, для ЧСК была более важна задача разоблачения всей системы провокации, созданной Департаментом полиции, а не огульное опорочивание той или иной партийной организации.

10 июля 1917 г. после опубликования в газете «Живое слово» (№ 51) за подписями Г. Алексинского и В. Панкратова статьи о том, что Ленин и большевики – германские шпионы, в ЧСК, так же как и во многих других кругах, поднялся ажиотаж с призывами привлечь предателей к ответственности. «Едва я пришел во дворец, вся здравомыслящая обывательщина мнений его аборигенов кинулась на меня. Все наперерыв: арестовать большевиков, давно надо было...», – передал настроение Комиссии Блок, но тут же отметил и реакцию председателя: «Холодный Муравьев против ареста Ленина и старается ликвидировать спор»⁷³. Подобная позиция председателя ЧСК в очередной раз свидетельствовала о его беспристрастности, объективности и взвешенном подходе даже в этой острой ситуации. Поэтому упрекать его или членов Комиссии в предвзятости к большевикам нет никаких оснований. Право и закон, вопреки мнению «Пролетарской революции», все-таки

превалировали в деятельности ЧСК, хотя ее работа и подвергалась постоянно нападкам и слева, и справа.

Думается, что для получения беспристрастных и объективных результатов в разоблачении системы провокации в России и для привлечения виновных к ответственности Комиссия должна была провести комплексное расследование как полицейской, так и «партийно-революционной» провокационной деятельности одновременно, не делая ни для той, ни для другой стороны исключений. Иными словами, необходимо было исследовать две стороны одной «медали» провокации. Но, во-первых, такая задача Временным правительством перед ЧСК не ставилась. А во-вторых, самой историей Комиссии, так же как и новой власти, учредившей ее, был отведен короткий отрезок времени. Таким образом, финал криминального сюжета, расследованного ЧСК, под названием «провокация» остался, к сожалению, «за кадром» большевистского переворота.

Примечания

- 1 Полное официальное название этого органа: Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц Российской империи (далее – ЧСК).
- 2 *Муравьев Н.К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии»: Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня. С. 15.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.
- 6 Там же. Л. 43.
- 7 Там же. Л. 45.
- 8 Там же. Л. 47.
- 9 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 47.
- 10 Там же.
- 11 Цит. по: *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 91.
- 12 *Розенталь И.С.* Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 16.
- 13 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 17.
- 14 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 85–91.
- 15 *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 332.
- 16 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 18.
- 17 Там же.
- 18 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 226об.
- 19 *Лонге Ж., Зильбер Г.* Террористы и охранка. М., 1991. С. 3.
- 20 *Аврех А.Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118. С. 88.
- 21 *Розенталь И.С.* Указ. соч. С. 11.
- 22 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 25.
- 23 *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. СПб., 1992. С. 5.
- 24 *Розенталь И.С.* Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 15.
- 25 Падение царского режима: В 7 т. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 272.
- 26 *Лурье Ф.М.* Указ. соч. С. 7.
- 27 *Блок А.А.* Записные книжки. С. 364.
- 28 *Завадский С.В.* На великом изломе. (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 31.
- 29 Падение царского режима. Т. 1. С. XXVIII.
- 30 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 87–88.
- 31 *Спиридович А.И.* При царском режиме // Архив русской революции: В 22 т. М., 1993. Т. 15. С. 128.
- 32 *Рязанов Д.В.* К истории борьбы с терроризмом в России: XIX – начало XX в. // Присяжный поверенный: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 2. С. 76.
- 33 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 89.
- 34 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 90.
- 35 *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 89.
- 36 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С.
- 37 Аарон Таратута настолько сжился со своей партийной кличкой, что она заменила ему родное имя, и везде – в партийных документах и в литературе – он проходит как «Виктор Таратута».
- 38 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 51.
- 39 Падение царского режима. Т. 1. С. 313. Безобидный юмор председателя ЧСК не на шутку покоробил большевистского бонзу Г.Е. Зиновьева, натолкнувшегося в опубликованных материалах Комиссии на эту фразу. (См.: *Зиновьев Г.Е.* Воспоминания: Малиновский // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 189.)
- 40 *Блок А.А.* Записные книжки. С. 363.
- 41 Падение царского режима. Т. 3. С. 462, 464.
- 42 ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 53. Л. 14.
- 43 Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 61; Д. 70; Д. 147.
- 44 П.А. Александров вел дело Р.В. Малиновского до 10 июля 1917 г., а затем был переведен в «Особую следственную комиссию по расследованию июльских событий в Петрограде».
- 45 Н.А. Колоколов вел дело Р.В. Малиновского до 29 августа 1917 г., до того момента, когда он был назначен членом «Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном Главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках». (См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. Отд. I. № 212. Ст. 1387.)
- 46 *Корнев С.А.* Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 7. С. 26.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Показания В.И. Ленина Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 54.

⁵⁰ Коренев С.А. Указ. соч. С. 26.

⁵¹ Там же.

⁵² Блок А.А. Записные книжки. С. 336.

⁵³ Там же. С. 344.

⁵⁴ Падение царского режима. Т. 3. С. 454.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Блок А.А. Записные книжки. С. 337.

⁵⁷ Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 25.

⁵⁸ Падение царского режима. Т. 3. С. 8.

⁵⁹ Там же. Т. 1. С. 77; Т. 2. С. 94, 95, 116.

⁶⁰ Там же. Т. 3. С. 270.

⁶¹ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 17.

⁶² Падение царского режима. Т. 5. С. 73.

⁶³ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 18.

⁶⁴ Блок А.А. Записные книжки. С. 344.

⁶⁵ См.: Аврех А.Я. Указ. соч. С. 88–90.

⁶⁶ Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 334–335.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 90.

⁶⁸ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 18.

⁶⁹ См.: Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1922. С. 41–42.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–13.

⁷¹ Показания В.И. Ленина. С. 51.

⁷² Пролетарская революция. 1927. № 1. С. 238, 242.

⁷³ Блок А.А. Дневник. М., 1989. С. 228–229.

УДК 94(470)

СТАНЕТ ЛИ ПОСЛЕКРИЗИСНАЯ РОССИЯ ДРУГОЙ?

В.И. Тюрин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени
и международных отношений.
E-mail: vladimirtyurin@rambler.ru

В статье исследуется состояние российской экономики до кризиса и сущность политики элиты. Изучаются антикризисные меры правительства и определяется возможность преодоления сырьевой зависимости России.

Ключевые слова: мировой кризис, российский кризис, «Капитал» К. Маркса, торговый капитал, банковский капитал, корпоративный капитал, олигархи, олигополия, антикризисная политика, сырьевая зависимость.

Is Russia Going to be Different after Crisis?

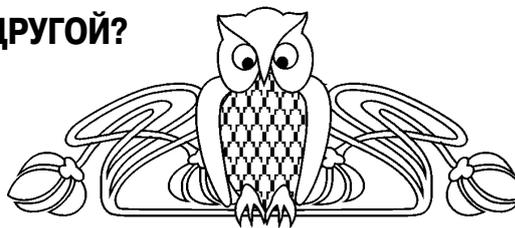
V.I. Tyurin

This article focuses on the condition of Russian economy before crisis and the point of elite policy. Anti-crisis measures are discussed and also are defined on opportunity to get over of rough dependence.

Key words: world crisis, Russian crisis, Marx's "Capital", trading capital, banking capital, corporative capital, the oligarchs, oligopoly, anti-crisis policy, rough dependence.

Мир растерялся от глубины, масштаба, необычного течения, скорости распространения, непредсказуемости результатов мирового финансового и экономического кризиса.

Актуальным стало поставить диагноз, прежде чем назначать действенное лечение. Еще вчера весьма активные сторонники идей либерал-фридменизма и мыслить не могли, чтобы обратиться к учению Дж.М. Кейнса как философии антикризисного действия. Сегодня же правительства ведущих стран мира одно за другим стряхивают прах неолиберальных идей известнейших нобелевских лауреатов. Кроме того, для более глубокого проникновения в суть кризисных явле-

ний и процессов масса университетской профессуры, аспирантов, студентов, предпринимателей, клерков, экономистов, социологов, политологов интуитивно выбрали десятилетиями пылившийся на библиотечных полках «Капитал» К. Маркса. В качестве универсального средства и инструмента антикризисных шагов и мероприятий стали применяться многомиллиардные вливания государства в банковскую сферу и ряд других секторов народного хозяйства, усиление регулирующей роли государства или его откровенное вмешательство в святая святых либеральных ценностей – деятельность частного бизнеса, корпораций. Это дало повод тут же эту тенденцию окрестить как социалистическое перерождение либерального капитализма, продемонстрировавшего во многом свою несостоятельность дать эффективный ответ на вызовы кризисной эпохи.

Кризис, как и в 1929 г., начался в 2008 г. в США, затронул Европу, осенью 2008 г. докатился до России, не обошел стороной Индию и Китай, осложнил положение дел в Японии.

И вплоть до лета 2009 г. не прекратил своего разрушительного влияния на мировую экономику, положение дел в различных уголках миросистемы. Но и до сих пор никому не известно, достиг ли он своего «дна», не ясно, когда начнется оживление, а затем и рост мировой экономики. Высказываются ни на чем не основанные предположения о начале «взлета» осенью 2009 – весной 2010 г., не исключается, что кризис протянется еще 2–3 года. Попытки ведущих государственных деятелей мира, известнейших экономистов,